

О НЕКОТОРЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕПЯТСТВИЯХ ПРОЦЕССУ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ

I

Существует шутка о ребенке, которого озадачило, когда ему сказали, что есть много различных путей к коммунизму (русский, китайский, венгерский, югославский и т. д.). Он спросил: „Почему все пути ведут к коммунизму, а ни одна дорога не ведет от коммунизма?“ И в самом деле, переход от коммунизма к демократии — это политическая перемена такого рода, который еще никогда не наблюдался. Большинство людей в нынешнем мире вряд ли бы сделали отсюда вывод, что такое преобразование вообще возможно. Но остается неясным, *каким образом* может осуществиться переход от коммунизма к свободному обществу. Цель настоящей статьи — описать те обстоятельства в современной Югославии, которые являются препятствием процессу политической демократизации.

Позвольте сразу выложить карты на стол: я полагаю, что влияние официальной идеологии — один из важнейших факторов, сдерживающих наступление подлинных политических преобразований в Югославии. Есть немало веских причин рассматривать такой довод как неприемлемый и даже смешной. Не раз приходилось слышать, что официальная идеология в коммунистических странах утратила кредит (и это, несомненно, верно) и что Югославия не исключение, поэтому бессмысленно придавать какое-либо значение марксистским лозунгам и формулам, которым всерьез не верят ни подданные, ни (вполне вероятно) многие из правителей. Трудно оспаривать очевидный

факт: в официальную идеологию коммунизма утратили веру в тех самых странах, где коммунисты находятся у власти, и все же, как это ни парадоксально, эта догма может по-прежнему формировать умы людей, хотя почти повсюду она отвергнута и даже вызывает ненависть. Именно это утверждение я намерен отстаивать.

Индоктринация, безуспешная в своей главной и явной цели, может оказаться эффективной в более тонком и не столь явно распознаваемом аспекте. Пропаганда может потерпеть полное поражение в своей первоначальной задаче — внушить больше веры и симпатии к существующему режиму. Но у программы индоктринации может возникнуть непреднамеренный, однако с точки зрения идеологов не менее важный эффект — устранение наиболее опасных для данной идеологии верований, которые в противном случае получили бы право на жизнь. В спектре возможных познаний — от сугубо положительных через умеренные до сугубо отрицательных — пропаганда может быть безуспешной в создании положительных реакций на режим, но она может серьезно повлиять на ситуацию в стране, убедив в том, что отрицательные реакции являются „слишком экстремистскими“ и грозят хаосом. Конечный результат состоит в том, что радикальные альтернативы просто отменяются широкими кругами общества даже без предварительного справедливого обсуждения, а общественное мнение склоняется к „апологетическим расцветкам“ в политическом спектре.

Психологически такое явление понять нетрудно: после длительной обработки только одним видом информации умам бывает трудно, а то и вообще невозможно, всерьез принять в корне отличную позицию по данному вопросу. Можно не сомневаться, что у людей, проживших в коммунистической стране, скажем, сорок лет, накопилась сильная неприязнь к официальной идеологии, по многие из них почувствуют „слабость в коленках“, обнаружив, что они приблизились к антикоммунизму или антисоциализму.

Цель настоящей статьи — проанализировать побочные воздействия идеологии, которые обнаруживались при нынешнем политическом неустойчивости в Югославии. Достаточно привести два наиболее ярких примера этого „идеологического тормоза“,

как я предложил бы назвать эти явления. Карло Штайнера, автора книги „7000 дней в Сибири“, в которой он описывает свое двадцатилетнее пребывание в советских лагерях, недавно спросили, не следует ли опубликовать в Югославии перевод „Архипелага Гулаг“ Солженицына. Штайнер ответил, что он против этого, ибо видит в Солженицыне защитника реакционной политики самого худшего типа.¹ Таким образом, для Штайнера точка зрения другого „зэка“ помещается на столь дальнем и „темном“ конце политического спектра, что он просто опасается самой возможности ее свободного выражения перед общественностью.

Другая иллюстрация — из интервью с Иосипом Зупановым, специалистом по общественным наукам из Загреба и одним из наиболее острых критиков нынешней системы в Югославии. Понуждаемый высказаться относительно путей выхода из нынешнего экономического кризиса, Зупанов сказал: „Вы заставляете меня выступить с предложением о реприватизации югославской экономики, но для меня это невозможно, ибо в конечном счете я по-прежнему социалист и, как таковой, не могу быть сторонником реприватизации, хотя, возможно, что если бы это было сделано, Югославия преодолела бы экономический кризис“.² У Зупанова есть все возможности сделать решительный вывод, но этому субъективно препятствует ужас перед отходом от социализма.

Я выбрал именно эти высказывания, так как они принадлежат людям с такой биографией как у Штайнера и с такими способностями к критическому мышлению как у Зупанова. Если мышление таких людей может быть направлено в определенное русло и ограничено в такой степени, то нетрудно представить, какова степень „контроля над мыслями“, внушенными рядовым гражданам.

Идеологические тормоза явно работают и у некоторых политических аналитиков, которые искренне верят, что реальную оппозицию коммунистической партии можно создать лишь внутри существующей организации, называемой „Социалистический союз рабочего народа Югославии“. Оставим в стороне факты, которые делают такую возможность крайне маловероятной, а именно, что в настоящее время Социалистический союз по-прежнему полностью контролируется членами компартии

и что он сформирован с единственной целью — создать видимость демократии для наивных. Депо тут в другом. Само название организации налагает явные пределы относительно критики, допустимой среди ее членов: для оппонентов социализма здесь явно места нет. Можно полагать, что большинство людей не усмотрело бы здесь покушения на политические свободы, возможно, вспоминая известное изречение Эдуарда VII: „Мы все социалисты”. Многие из них, бесспорно, таковы, хоть и не в силу убеждения в социалистической доктрине, а в значительной степени — из-за полного незнания доводов либеральных и консервативных мыслителей против этой доктрины.

Людвиг фон Мизес вполне точно описывает нынешнее состояние югославского общественного мнения в отношении социализма: „Любой защитник социалистических мероприятий рассматривается как поборник Добра, Благородства и Морали, как бескорыстный зачинатель необходимых реформ, как человек, который служит своему народу и всему человечеству и прежде всего, — как страстный и отважный искатель истины. Но пусть кто-то попробует оценить социализм по меркам научного мышления, и он немедленно становится защитником принципов зла, наемником, служащим эгоистическим интересам класса, угрозой общественному благу, невеждой, находящимся за границей общепринятого. Самое любопытное в таком мышлении, что вопрос о том, что лучше служит общественному благу — социализм или капитализм — этот вопрос решается заранее и, конечно, так, что социализм — это добро, а капитализм — зло. Ясно, однако, что только научное исследование может решить этот вопрос”.³

Вряд ли нужно пояснять, что официальная идеология выигрывает, ибо становится не столь неприемлемой для среднего гражданина, только потому, что весь спектр общественного мнения сдвинут влево и наиболее острая критика отсутствует (как если бы неодарвинисты были бы исключены из споров о наследственности — через некоторое время даже взгляды Лысенко перестали бы казаться только смешными).

Думается, что есть еще одна важная причина, способствующая формированию общего крена влево. Молодежь, которая склонна к острой оппозиции господствующим политическим

взглядам, хорошо понимает, что сделать карьеру в области общественных наук крайне трудно; поэтому молодые не стремятся заняться философией, социологией или политической экономией. Считая отталкивающими марксистские или скорее „марксистствующие” методы преподавания этих наук, они обращаются к естественным или другим менее идеологизированным наукам, а студенты общественных наук рекрутируются из тех, кого такой крен привлекает, или же из тех, кто склонен к левым взглядам. Так левая ортодоксия в гуманитарных науках бесконечно воспроизводит самое себя, а эпидемия распространяется на все более широкие круги.

Попытаемся теперь более детально рассмотреть влияние „идеологических тормозов” на позиции людей в вопросе о политических партиях в Югославии.

II

В настоящее время страны с наибольшими политическими свободами — это страны с многопартийной политической системой. Этот факт можно считать очевидным, и с помощью несложных умозаключений можно прийти к выводу, что введение многопартийной системы — необходимое предварительное условие политической демократизации в Югославии. Странно, однако, что это повсеместно отрицается, несмотря на немалую притягательность такого мнения. Существуют три главных линии аргументации такого отрицания: 1) многопартийная система может привести к гражданской войне в Югославии; 2) в Югославии уже существует многопартийная система; 3) Югославия должна идти не к многопартийной системе, а к системе без партий.

I. Призрак национализма

До того как в Югославии стали открыто высказывать идею партийного плюрализма, эта мысль успешно подавлялась следующим доводом: вследствие многонационального состава Югославии партии неизбежно станут *национальными* партиями, и открытое противостояние в результате этого создаст обеща-

новку, в которой возможен взрыв гражданской войны. В памяти нашей еще свежи воспоминания о жестокостях, совершавшихся вследствие разгула националистических настроений во время второй мировой войны. Поэтому сторонники этого довода полагают, что лучше мириться с однопартийной системой, чем иметь повторение страшных преступлений недавнего прошлого.

Многие до сих пор поддерживают такую аргументацию. Эта логика, однако, напоминает аргумент „лучше быть красным, чем мертвым”, и столь же ошибочна. Проще говоря, приводимые альтернативы не исчерпывают всех возможных вариантов. Предполагается, что мы должны без всяких возражений принять: существуют *лишь* две возможности — коммунистическая власть или гражданская война. При столь открыто примитивной аргументации становится ясным, как нелегко восстановить недостающие звенья. Как вообще можно начинать разговор о том, что произойдет, если число политических партий будет больше одной (а это может произойти в самых различных формах), если исходить из предположения, что неизбежно при любых обстоятельствах это может дать один и только один результат — ненависть между народами, страшные преступления, массовые убийства.

Сторонники таких доводов не отдают себе отчета, что, будучи весьма мало доказательной, их аргументация к тому же выставляет народ Югославии в не слишком лестном виде: что это за люди, скажите на милость, которые готовы вцепиться друг другу в глотки, если коммунистическая партия не сдерживает их инстинкт к насилию, лишая их целого ряда основных политических прав? Примечательно, с какой серьезностью до сих пор этой патерналистской позицией оперируют ее сторонники, в том числе и многие югославские интеллигенты. Жан-Франсуа Ревель сказал некогда: „...Странно слышать аргумент, что „народ не готов к демократии”; это попахивает старыми принципами колонизатора и узурпатора власти, только что прикрашено это социалистическими красками. Демократии учатся на практике демократии, и никак иначе”.⁴

2. Желаемое уже достигнуто

Второй довод против многопартийной системы в Югославии состоит в том, что такая система фактически уже существует. Это аргументируется тем, что коммунистические партии отдельных республик находятся в конфликте в связи с их политическими интересами, что эти интересы они выражают и отстаивают публично и, следовательно, эти партии трудно отличить от, скажем, партий в западных демократических странах.

Ошибочность такой аргументации в допущении в неявной форме, что группы с конфликтными политическими целями не отличаются от политических партий. Справедливо, конечно, что сегодня, когда политическая власть децентрализована и разделена между региональными партиями, политических свобод больше, чем в прежние времена, когда все направлялось одной рукой (которая отнюдь не была невидимой).^{*} И все-таки региональные фракции югославской коммунистической партии, конфликтующие по интересам и открыто противостоящие друг другу, еще далеки от демократии с подлинным партийным плюрализмом.

Коренное отличие состоит здесь в том, что так называемые региональные партии противостоят друг другу *непосредственно*, не апеллируя к массам избирателей. Отличительная черта реальной многопартийной системы состоит в том, что партии охотятся за голосами и во взаимной борьбе всегда нацелены на будущие выборы, а соперничающим коммунистическим фракциям в Югославии как раз не хватает обратной связи с внепартийными массами. Эти фракции (возможно, за исключением Словении) обладают безусловной властью над своими территориями и могут позволить себе не обращать особого внимания на мнения диссидентов.

Более того, даже если официальная политическая линия действительно пользуется поддержкой большинства населения данной республики, эта поддержка основывается на скрытом

^{*} Намек на концепцию „невидимой руки”, управляющей рыночной экономикой, которую высказывал Адам Смит — (примечание переводчика)

ожидании, что коммунистические руководители будут отстаивать интересы их районов, а не на каких-либо публично выраженных и обязывающих руководство обещаниях. Это отчетливо проявилось в недавних событиях в Хорватии, когда многие хорваты были удивлены (и вздохнули с облегчением), обнаружив, что Стипе Сувар, хорватский представитель в президентстве Союза коммунистов Югославии и его нынешний президент, стал в оппозицию политическому наступлению Сербии. Когда его „выбирали” представителем Хорватии, было совершенно неясно, на чью сторону он станет — сербов или словенцев. После этих событий он стал весьма популярен в Хорватии несмотря на свои печально известные деяния в прошлом (в частности, он ответственен за сталинистскую кампанию против югославской интеллигенции, за противодействие рыночной экономике, за реформу образования в Хорватии, приведшую к катастрофическим последствиям на многие годы).

Такие абсурдные истории лучше всего показывают, что существование региональных фракций коммунистической партии практически не имеет ничего общего с истинным партийным плюрализмом. Если в условиях плюрализма столкновение политических позиций создает потенциальную угрозу любой партикуляристской позиции, то политическая борьба коммунистических фракций ведет лишь к усилению лояльности людей по отношению к своему региональному руководству. Следовательно, конфликт между региональными олигархиями скорее стабилизирует любое региональное правление: люди воздерживаются от критики местного руководства, как бы смыкая ряды против „атаки извне”; они действуют по принципу: „это моя компартия, права она или ошибается!” Иначе невозможно объяснить странно возросшую в некоторых районах популярность таких югославских политиков, прошлого которых достаточно, чтобы сделать невозможной политическую карьеру в условиях демократии.

3. Меньше чем одна

Третий источник сопротивления многопартийной системе — ребяческое убеждение многих представителей левой интеллиген-

ции, что Югославия должна стремиться к установлению беспартийной демократии. По их мнению, существование партий — скорее препятствие, нежели путь к подлинному демократическому принятию решений. Обычно они не объясняют, как они представляют себе новую подлинную демократию, но хотя их позитивные предложения расплывчаты и туманны, ясно одно: они уверены, что система партий препятствует „настоящей” демократии и ее следует заменить чем-то другим. Вероятно, такая точка зрения почерпнута из высказываний Маркса в том же духе, например в работе „Гражданская война во Франции”. Он пишет, что при „буржуазной демократии” народу дозволяется лишь раз в три или в шесть лет решать, какой представитель господствующего класса будет несправедливо представлять их в парламенте.

Возможно, в отдаленном будущем демократические институты разовьются в какие-либо новые формы, и политические партии перестанут существовать. Каковы будут эти формы, можно лишь гадать. Однако такие запредельные спекуляции граничат с интеллектуальной безответственностью при решении важнейших, жгучих вопросов выбора между однопартийной и многопартийной системами „здесь и теперь”. Это то же самое, что пытаться найти новое средство лечения рака в рамках острого современного спора относительно разрешения звтанизии для безнадежных раковых больных.

Те, кто полагает, что выбор между однопартийной и многопартийной системами — ложная проблема, „играют на руку югославской официальной политике”, да будет мне позволено использовать эту марксистскую формулу. По их мнению, требование разрешить оппозиционные партии недостаточно радикально, ибо оно не разрушает рамок партийности. Между тем, именно такое требование представляет наиболее серьезную угрозу режиму. Во-вторых, осуждая без разбора все партийные системы, они наводят на мысль, что в конечном счете нет существенных различий между либеральными демократиями Запада и коммунистическими странами. Но любой аргумент, который, подобно этому, сближает существующий коммунизм и парламентскую демократию (пусть в негативной форме, отвергая обе системы как фальшивые демократии) марксистские идеологи

должны приветствовать, ибо коммунизм, по выражению Ричарда Кроссмана, „отвеял зерна западной культуры и оставил лишь ее плевелы”. Так могут ли рассчитывать на больше коммунистические правители, чем утверждение, что в демократии вообще нет полновесного зерна? Поэтому нет ничего удивительного, что миф о политической системе без партий просочился и в официальную пропаганду в Югославии. Удивительно скорее, что эта иллюзия оказалась привлекательной для тех, кто на первый взгляд должен был бы обладать ясностью понимания политической философии.

Вряд ли это можно даже назвать иллюзией: ведь она осуществилась давно, хотя не так, как это понимают левые идеологи. Югославия уже достигла беспартийной стадии политического развития. Это отлично подтверждает следующее прямое высказывание Джованни Сартори: „Партия — это частица, и как таковая она предполагает существование античастицы. Если нет античастицы, нет и частицы, а есть лишь целое. Однопартийная система — по существу *беспартийная* система. Так называемая *единственная* партия так же походит на действительную партию, как человек по фамилии Зеленый походит на зеленый цвет”.⁵

III

Рассмотренные выше доводы против многопартийной системы существенно влияют на общественное мнение в Югославии. Их воспринимают гораздо серьезнее, чем можно было бы ожидать, и это дает основания считать их успех результатом длительного воздействия определенной идеологии. Хотя сегодня официальная пропаганда меньше чем когда бы то ни было может рассчитывать на искреннюю поддержку, все же немало людей достаточно сильно оравлены, чтобы проявить странную нечувствительность к порочности логики доказательств о невозможности или нежелательности либеральной демократии в условиях Югославии.

И, в заключение, еще одноображение. Видимо, немало людей в Югославии полагает, что процесс демократизации продвинулся настолько, что созрели условия для открытого противостояния мнений относительно экономической реформы,

национальных проблем, перемен в конституции и т.д. Конкретные предложения по этим вопросам обсуждаются и отстаиваются с большой страстью. Широко распространено ощущение, что наконец-то наступило время для борьбы вокруг этих не решенных вопросов между группами с различными политическими интересами.

Представляется, однако, что в этих дебатах много энергии расходуется впустую. В увлечении вновь обретенной возможностью открыто выражать политические взгляды, столь долго подавлявшиеся, многие не замечают, что некоторые политические мнения (не разделяемые ими) по-прежнему остаются за пределами обсуждения: например, требование республики для района Косово открыто провозглашается „контрреволюционным” и наказуемо по закону. Другие темы — например, развеивание мифа о Тито, сомнения по поводу основ первых властных органов антифашистского союза, отрицание социализма, самоуправления и т. д. — вызывают столь бешеный и издевательский отпор, что лишь немногие осмеливаются броситься в этот кипящий котел. Совершенно естественно, что те, чьи политические позиции „неприемлемы”, избегают открыто высказывать свои подлинные взгляды, а присоединяются к „дозволенным” — наиболее близким к их собственным мнениям. Это, опять-таки, создает немалую путаницу, поскольку их оппоненты не в состоянии провести различие между „умеренными” и заклятыми „радикалами”.

В таких условиях открытое столкновение между дискутирующими группами оказывается бесплодным. Весьма маловероятно, что в итоге таких дискуссий удастся достичь прочного политического компромисса, хотя бы потому, что их участники ведут себя так, как если бы они находились в комнате с искажающими зеркалами: никто не знает, каковы подлинные идеи и планы оппонента. Иными словами, если хотя бы одна группа по каким-либо причинам вынуждена скрывать или исказить свои подлинные цели, основное условие достижения устойчивого политического соглашения остается невыполненным, так как оно состоит в том, что стороны в конфликте должны ясно представлять требования оппонента, чтобы принять их во внимание за столом переговоров.

Ясно, что единственный способ покннуть комнату с искажающими зеркалами — это осуществить подлинный политический плюрализм, разрешить абсолютно свободный обмен политическими идеями и гарантировать неограниченное право на создание политических объединений и организаций. В настоящее время — это политическая задача первостепенной важности для развития Югославии. Без существенного продвижения в этом направлении самое большее, что можно сделать для решения всех других вопросов, — это принять решения временные и предварительные. Каждый, кто знает, что Югославия проходит через переходный период, не верит в возможность принятия окончательных решений; каждый понимает, что если перемены будут идти сегодняшними темпами, в недалеком будущем политический ландшафт неузнаваемо изменится. Поэтому те, кто вполне удовлетворен уже достигнутым уровнем демократизации и видит в этом в первую очередь возможность требования реформ как обязательного условия, весьма напоминают французов эпохи Революции, о которых Токвиль сказал, что они желают реформ прежде чем пожелать свободы.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 В загребском еженедельнике „Данас“ от 30 августа 1988 г.
- 2 В белградском журнале „Дуга“ от 1–14 октября 1988 г.
- 3 L. von Mises. *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*, Indianapolis, Liberty Press, 1981, p. 9.
- 4 J.-F. Revel. *The Totalitarian Temptation*, Penguin, 1978, p. 97.
- 5 G. Sartori. *Democratic Theory*. Detroit, Wayne State University Press, 1962, p. 84.